

Рефлексия на себя и на других

Личность в контексте культуры

Василий Федоров-Иваницкий

ВОЛШЕБНИК КНИГИ*

Гоголь. Сочинения

В 1927 году Д.И. Митрохин нарисовал восемь заставок для большого тома – Н.В. Гоголь «Сочинения», который вышел в Государственном издательстве в 1928-м. Дважды – в 1929-м и в 1930-м книга выходила уже и с иллюстрациями числом 15. Несмотря на оформление такого мэтра, книга не была изящной или хотя бы комфортной для чтения. Укрупненный и по вертикали вытянутый ее формат, двухколоночный, с узкими, почти газетными колонками набор, около 650 страниц (колонок соответственно в два раза больше), темноватый и дешевенький папир. Автор оформления переплета (и весьма банального) на книге не указан. Но благодаря рисункам мэтра книга эта – ценность!

Н.В. Гоголь был любимейшим писателем в семье Митрохиных. У «запойного читателя» – отца художника Исидора Егоровича – он был якобы кумиром. Обожал писателя и сам Д.И.

Часто говорил, что он всегда мечтал проиллюстрировать отрывок, где описывается сад и двор у Плюшкина, а мечта вторая – повесть «Вий». К сожалению, плюшкинского сада Мастеру не заказали, а для «Вия» сделана одна лишь иллюстрация (и Вия на ней нет). Ясно, что заказчики сурово ограничивали мэтра.

* Фрагмент главы из рукописи книги «Митрохин. Искусство. Личность. Заметки друга». Дмитрий Исидорович Митрохин (1883–1973) – выдающийся российский график.

Гоголь был
любимейшим
писателем

Парася Черевик и
Голопупенков
Грыцько

Первая картинка в книге – *иллюстрация для повести «Сорочинская ярмарка»*. В основании рисунка – контур. Все же дополняет он его и всяческими «фишками», вроде «линии растянутой пружины» или линии зигзаговидной (почему-то мэтр наградил такими линиями парубка). И волнистою чертой изобразил полоски ткани под навесами палаток (яток). Также он использовал штриховку перекрестную и «нормально-гениальные» штришочки мелкие на земной поверхности, а также у жида на гетрах, точки и кружочки-«пузырьки» – на тыквах с дынями, в монистах и в моделировке лиц. Впереди, наедине со зрителями, «предстоят» герои главные, с первых взоров друг на друга и влюбившиеся – прехорошенькая девушка Парася Черевик лет отроду осьмнадцати, в первый раз на ярмарку попавшая, и с очами огненными парубок – Голопупенкова сын по имени Грыцько. Без Лас-Вега-са, а прямо во Сорочинце с помощью компании веселых ухарей, артистично одурачивших всю ярмарку, одолели все препоны и сыграли свадьбу-блиц. Девушка – в сорочке-блузе с вышивкой, в изукрашенном цветами, лентами очипке на голове, с бусами, монистами; парень – в белой свитке, в серой шапке смушек решетиловских. И хотя глаза Параси (на рисунке) обрамлены ресницами ненатуральными, а условно нарисованными, вместе два лица нам демонстрируют, как, пользуясь одним почти лишь контуром, можно рисовать физиономии и выразительные, и сугубо натуральные. И неизъяснимо натурально смотрят на мир божий очи парубка и девушки. (Где там фотографии тягаться вот с таким вот «гиперреализмом»!)

В маленьком
рисунке – вся
большая ярмарка

Но пока мы любовались молодой четой, за спиной и рядом с нею смутно виделись нагроможденья линий, контуров. Если ж приглядеться к ним, то возникает панорама ярмарки как действия многолюдного, веселого, в коем «все <...> мечется кучами и снуется перед глазами» (Н.В. Гоголь). Рядом с парой разлеглись тыквы с дынями, а со стороны другой торговка (перéкупка) привязала к поясу корзину с раками и подняла за ус огромного (ну, что тебе омар!). Голосит на весь базар – вот она реклама «аудио» (вопли), так же как и «видео» (рак поднятый). Прямо за спиной – красotka лет балъзаковских с рюшками у ворота и в черевиках зазывает брать ее товар – большие крендели, сладéны (пышки), бублики. Дальше, подбоченясь, у горы арбузов с дынями дама третья хвалит свой товар покупщику с брадою. В той палатке (ятке) продают товар матерчатый, заодно и прочий, в этой – у шинкарки, окруженной флягами, в шароварах мещанин вливает в

глотку чарку вренухи (водки с пряностями), а другой спешит ему «на помощь». Где-то к ятке человек прилаживает вывеску. А вот там нетрезвый жид как раз и выдает толстенной бабе «киселя» – поддает под зад пинком. Дальше три бездельника навеселе распевают и приплясывают. Еще дальше – целая толпа чего-то обсуждает (явно не последний матч!), кто-то там торгуется, кто-то что-то узнает, кое-кто отплясывает. Вот подъехал человек верхом на лошади. Всюду кони и во-лы стоят и ждут дальнейшей участи, воз с мешками, хата вдалеке и тополя пирамидальные... Видим: мэтр не захотел давать массовку анемичную. Низ картинки Мастер выделил отдельной рамкою, в коей дал название повести и маленький рисуночек свиного рыла – того самого, в какое оборачивал свою нечистую личину черт и которое совместно с красной свиткою затерроризировало ярмарку и помогло лукавым ухарям осуществить план свадьбы Голопупенкова и Параси.

На заставке к «Вечерам на хуторе...» мэтр разместил приятную сценическую декорацию. В ней – лужок диканьковского хутора, прямо на майдане промеж двух домов. Хаты эти не особенно богатые, но однако же ухоженные, крепкие и побеленные. Крыши хоть соломенные, но еще не старые и прочные. А над той, что слева, дым через трубу валит клубами основательными и горячими. И над домом распростерло ветви старое, большое дерево. Только мэтр научился так изображать его, что рисует он как будто бы орнамент, декорацию, а воспринимается она как крона дерева натурального, особенно ежели смотреть на весь рисунок в обобщении, да к тому же крона сопрягается в материю единую с клубами дымными. Возле хаты отдыхает конь стреноженный, на рисунке, правда, это лишь лошадка маленькая. Дом, что справа, – побогаче и имеет сад большой за изгородью, и деревьям весело в саду том изгибаться, обещая и плоды, и свежесть летнюю. Возле изгороди – сруб колодца с журавлем, а вблизи от домика – большие камни живописные. В середине улицы проходит хуторянин в шароварах, в шляпе и со граблями, что качаются над головою за плечом.

Центр сцены – группа хуторян, расположенная ближе к хатке левой. Мэтр изобразил людей не на вечерницах (то есть посиделках и «балах» в одной из хат), а на воздухе, на улице. Собрались они не для того, чтоб балагурить и плясать, а перед этим и истории рассказывать, а чтоб слушать песни и сказанья бандуриста со бандурою. Кто присел на коврик, кто на табуреточку, кто и вовсе на траву, один стоит. Люди в шля-

Жизнь уютная
диканьковского
хутора

Как не восхититься
этими фигурками?

пах из соломы, кто-то в картузе при козырьке, женщина – в платочке. Вольная малороссийская природа ощущается. Позади, над горизонтом – стая птиц взлетающих. И совсем так низко над землею – полумесяц – знак того, что вечер наступил.

Все фигурки хуторян довольно мелкие, хоть и больше лошади, стоящей в отдалении. Как не восхититься ими, нарисованными контурами «детскими», но такими поразительно жизнеобильными, будто схваченными где-то и посаженными в «декорацию»? В небе воспаряется заглавье повести: «Вечера на хуторе близ Диканьки».

В рисунке к «Страшной мести» – «предстоянье» перед зрителями иллюстрации Катерины Бурульбаш – верной жинки есаула Данилы Бурульбаша, дочери отца ее – папаши не простого, а ужасного и жуткого создания – колдуна наизлобнейшего и тайного! Катерина – неременная красавица, добрая и любящая жинка и родительница годовалого мальчишечки. Но, увы, невесел взгляд ее очей из-под черных «как немецкий бархат» бровей. На сорочке – вышивка красивая, грудь и шею изукрасило монисто с крестиком. Крупные глаза, как ягоды, рот же маленький с опущенными краешками. Под глазами, словно влага слез, – пылинки-точечки, нарисованных художником. Горькая, тяжелая судьба у женщины... За спиной у Катерины – битва, бьются саблями супруг ее и батюшка. От ударов словно звезды искры сыпятся. Не на жизнь, а на смерть бьются супротивники. В нижней части, в маргинальной рамке – вид совсем другого «батюшки» – он в обличьи колдуна и килера серийного, что зарезал и жену свою и застрелил Данилу-зятюшку, под конец же порешил и дочку Катерину. У него «...нос вытянулся и повиснул над губами; рот в минуту раздался до ушей; зуб выглянул изо рта, нагнулся на сторону...». Мэтр изобразил его с нечеловечьим взглядом, изо рта вместо зубов клыки выглядывают...

Для иллюстрации одной-единственной к «страшилке» «Вий» Мастер (или издатели) хотя и выбрал не драматичные и жуткие моменты службы философа Хомя во храме, где его преследовали посиневший и позеленевший труп совместно с нечистью и с Виём, а момент, когда возившая на собственных плечах Хомя и им побитая старуха-ведьма превратившись в панночку-красавицу, пала наземь около больших камней среди чудесных трав. В стороны раскинула вампирка руки обнаженные, сдвинула в коленях ноги босые, разметала словно шаль, как уголь черную, распутившие-

Противоборство
красоты и зла

Мэтр мечтал
проиллюстрировать
всю повесть «Вий»

ся волосы, сдвинула подмышку бусы. Но она еще жива; широко раздвинув веки «с длинными как стрелы ресницами» и с глазами как у кошки из преисподни выскочившей. Убегает до смерти напуганный Хома. Он в бурсацком сюртуке потрепанном, с заплаткой, на ногах сапожки щегольские на высоких каблуках. Талия обтянута веревкой иль шнуром. Улепетывает так, что ноги – в профиль, а часть тела верхняя к панночке и зрителям – затылком и спиной. Оселедец* съехал на бок. Рядом с ведьмою лежит полено, коим наш бурсак лупил старуху (а затем и «панночку»). В нижней маргинальной рамке кроме надписи названья повести – рисуночек несущегося бурсака и сидящей на загривке у него старухи, погоняющей его метлой.

В 1960-м мэтру захотелось почитать одну из главных книг любимого писателя – о душах мертвых. Он просил меня достать ему роман, но только обязательно без иллюстраций. Думаю, что дело было не в одном лишь том, что Мастер не надеялся на иллюстрации приличные – понимал, что если они будут, то скорее всего качества прискорбного. Но, наверное, его бы не устроила и книга с собственными иллюстрациями. Ну, во-первых, беспощадный к самому себе, он сразу выявил бы «ужасающие недостатки», во-вторых же, мэтр хотел остаться «с глазу на глаз» с Гоголем без всяческих посредников-картинок, даже и своих. Ну, а нам, так сильно любящим произведения художника, не всегда и нужно перечитывать творенье литератора. Иногда достаточно для удовольствия посмотреть лишь графику художника.

«Ах ты мордашка эдакой!»

На *рисунке к «Мертвым душам»* мэтр представил самого коллежского советника П. Чичикова. Но ведь Павел наш Иванович – это целый мир, история и философия. Разве можно это все представить в иллюстрации? Конечно, нет. Но зато художник дал рисунок, коим долго можно услаждать наш взор. Чичикова он изобразил не так, как знаем его мы – читатели – со всеми плюсами и очевиднейшими минусами, а таким, каким его воспринимали на балу у губернатора все гости, обступившие его со всех сторон и наперебой прошившие: «Позвольте прижать вас Павел Иванович!», и еще таким, каким он сам себя увидел в зеркале, воскликнув: «Ах ты мордашка эдакой!» И хотя он здесь не на балу и не у зеркала, все же видно, что он «не слишком толст» и «не дурной наружности». Правда,

* Оселедец – длинный клочок волос на голове, заматывающийся на уху (пояснение Н.В. Гоголя).

личико скорее гладкое, упитанное, как у поросеночка, носик аккуратненький, рот маленький, глазки почему-то узкие (видимо, прищурился), ушки небольшие, подбородочек изящненький, нет морщин (а обозначен край щеки). Впрочем, кажется, видны морщинки возле глаз (так ведь это, может быть, как раз и от прищуриванья?), взгляд благопристойный и задумчивый.

Разумеется, художник никогда не забывает, что картинка в книжке есть искусство, с текстом связанное и с литературой солидарное. Чичиков показан в миг его прибытия в город NN. За спиной мы видим бричку, пару мужиков, решающих вопрос серьезный: а доедет ли такое колесо у брички до Москвы иль даже до Казани. Пробегает юный господин в канифасовых штанах отменной белизны, узеньких и коротковатых, также и во фраке «с покушеньями на моду».

В маргинальной рамочке внизу дано название поэмы и изображен небезызвестный ларчик древа красного, в коем и вокруг которого – не только лишь конверты и билетки, но и ассигнации с монетами.

Погружаясь в иллюстрацию, мы узреваем и выразительность героев, и красоту самой *материи рисунка* и ее фактуры, что и делает его произведением искусства, столь изысканно и сладострастно услаждающим неутолимый взор чувствительного графофила. И фактура эта не имеет никакого сходства ни с фактурой реальной, ни с действительною «светотенью», ни тем более с академической «тушевкою». Ну, а то, как материал (предмет) реальный мэтр преобразует в материал фактурный, всякий граффил увидит на примерах той же брички иль костюма Пал Иваныча, кабака и всего прочего. Каждая деталь – итог большой маэстрии, а детали, собранные вместе, создают шедевр. Но ублаговторение рисунком черно-белым а priori не отвержет цвет. Виртуоз рисунка черно-белого художник обожал печать и графику цветную. Иногда рисунки после возвращения из издательств он раскрашивал.

Таковыми вот – раскрашенными – автор и увидел их впервые. А произошло сие в конце 1965-го, когда он побывал на новой экспозиции в сокровищнице Третьякова, в коей оказалось... четыре иллюстрации Митрохина для книги, о которой речь. Две иллюстрации для «Мертвых душ» (среди них и только что описанная), рисунки к «Ивану Федоровичу Шпоньке и его тетушке» и к «Невскому проспекту». Только это были не оригиналы, а раскрашенные оттиски (цинкографические, но никак не литографии, как там ошибочно указывалось). Сообщение мое немало удивило, взвол-

Здесь фактура услаждает взор чувствительного графофила

Мэтр всегда мечтал о цвете в иллюстрациях

новало и обрадовало старого художника. Это был еще один знак ослабления зажима по отношению к художникам, которых не поддерживала шушера тогдашняя. Осторожный мэтр сказал, конечно, не об этом, а о том, что его «всегда интересуется, какова же участь тех работ, которые он сделал».

Нищая, любимая
Россия

Дополняет иллюстрацию *заставка к тому первому поэмы*. Чичиков сотрясаем в своей бричке. Кучер Селифан с Петрушкою-лакеем впереди, на козлах, бричку тянет тройка лошадей. Только ведь у Мастера все это – сверхминиатюрное. Обе «троицы» (и лошади, и люди) – крошечки-фигурки. Маленькая панорамка – уголок России-матушки, по которой разъезжает скупщик мертвых душ. Горизонт нечетко переходит в небо. Справа лепятся домишки деревеньки, слева видятся дома и храмы города (видимо, как раз окраина города NN). Над церквями – туча галок, стайка меньшая взлетает над селом. Мэтр, ну, просто не умел хоть что-то рисовать стандартно-одинаково. Посмотрите на его заборы-изгороди – первый план, деревня, город – все по-разному. Тот забор, что крайний слева, с каменными тумбами, ограждает, видимо, какой-то барский сад. Древета и сада этого, и в других местах – лишний довод в пользу своеволия одаренности – это ж линии «ребенком нацарапанные» и дополненные мини-штрихованьем или точечками, а ведь убеждают в красоте древес сильнее всякой натуральности.

На проезд героя смотрят полунищие, что стоят на плане первом к нам спиной. Нищая и угнетенная Россия, но у Мастера одновременно и красивая...

Как пустышку
приняли за важную
персону

Хлестаков Иван свет Александрович в *иллюстрации к «Ревизору»* – юный господин, которого принять за важную персону можно только с очень уж большого перепугу или по такому же большому недомыслию. На картинке он такой, каким его представил в замечаниях для господ актеров автор: «...тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове: один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения...» Но в любом театре даже если и окажется такой актер – тоненький, худой – все же в нем всегда найдутся свойства и черты сугубо личные. Художник же нам выдал *тип* субтильного юнца, почти что «пацана» (как ныне выражаются) с непропорционально маленькой головкой, с хохолком на ней, с малюсенькими глазками и носиком. Он во фраке (воротник отделан тканью иной фактуры), у него высоко стоящий воротничок манишки, ниже – бабочка. Руч-

ками он делает движение жеманное, выражающее настроенье «Ну, вас всех!». Он, конечно, полностью оправдывает восклицание Почтмейстера: «Ни се ни то, чорт знает что».

Но ведь город его принял за персону важную. В иллюстрации показан конец сцены с жалобщиками, которые «персоне» надоели. Гоголь описал этот момент в ремарке: «Дверь отворяется и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели с небритою бородою, раздутую губою и перевязанною щекою, за ним в перспективе показывается несколько других. <...> [Осип] упирается ему руками в брюхо...» Но в рисунке Осип давит посетителя вдобавок и коленом. В широко открытое окно лезет целый ворох жалоб со сжимающими их руками. Часть бумаг летит и падает на пол. Бойкое, комическое действо! Но вокруг еще немало и красивейших вещей: круглый стол на витой ножке (а на нем чернильница, бумага с перьями гусиными), на стене подсвечник в три свечи и в овальной рамке девичий портрет, на полу – ковровая дорожка, на стенах – обои. На окне, в горшочке, изумительный цветок. Изумителен он тем, как мэтр нарисовал его штришками-скобочками, впрочем есть и пара звездчатых цветков. За окном – пространство площади со зданьями-игрушками и взлетевшей над одним из них сакраментальной стайкой птиц. По краям окна колышутся изгибы штор. Низ рисунка – маргинальное «окно» с дополнительной картинкой. Здесь в миниатюре – городничий и еще два персонажа (правый – в профиль и в очках). Нарисовано название пьесы «Ревизор». По углам «окно» маэстро изукрасил точками-штришками.

Иллюстрации обогатили скучно изданную книгу

